

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Н.К. Онипенко

ХРОНИКА XLIX ВИНОГРАДОВСКИХ ЧТЕНИЙ

*Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН
119019, Москва, ул. Волхонка, д. 18/2*

В статье излагается содержание научных докладов, прозвучавших на очередных Виноградовских чтениях, которые организует филологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова. На чтениях выступили представители разных научных школ и разных поколений лингвистов. Обсуждались дискуссионные проблемы современной лингвистической науки. Основное внимание докладчики уделили грамматике: классификации частей речи; функциональному описанию падежей; взаимодействию грамматики и орфографии.

Ключевые слова: лингвистика; филология; история науки; грамматические категории; типология грамматик; неканонические подлежащие; объектный родительный.

17 января на филологическом факультете прошли XLIX Виноградовские чтения, на которых обсуждалась тема “Разногласия в лингвистической науке: история и современность (Уроки Виноградова)”. Сформулированная таким образом тема чтений отсылает нас к первому параграфу книги В.В. Виноградова «Русский язык (Грамматическое учение о слове)», в котором идет речь о причинах «разногласий и блужданий» грамматической науки того времени. Эти причины В.В. Виноградов делил на два типа: те, которые связаны с объектом исследования (недостаточный объем исследуемого материала и отсутствие строгих принципов отбора материала), и те, которые относятся к теоретической базе исследования (незнание «лингвистического наследства» и отсутствие точных определений основных грамматических понятий). В.В. Виноградов считал обязательными для лингвиста следующие требования: (1) отбирать материал так, чтобы он не был «случайным, бедным и однообразным»; (2) учитывать «светлые идеи, открытые прежней грамматикой или вновь выдвигаемые общим языкознанием»; (3) раскрывать «содержание тех грамматических понятий, которые лингвист кладет в

Онипенко Надежда Константиновна — канд. филол. наук, ведущий научный сотрудник Института русского языка РАН (e-mail: onipenko_n@mail.ru).

основу своего построения». Невыполнение этих требований может привести к тому, что «грамматика превратится в каталог внешних форм речи или в отвлеченное описание элементарных логических категорий, обнаруживаемых в языке».

Программу чтений открыла *О.В. Кукушкина* (МГУ), выступившая с докладом «В.В. Виноградов и спорные вопросы классификации частей речи», в котором высоко оценила принципы классификации частей речи, сформулированные и реализованные В.В. Виноградовым в книге «Русский язык (Грамматическое учение о слове)». Опора на идеи В.В. Виноградова помогает современной лингвистике решать дискуссионные проблемы русской морфологии. В основе виноградовской классификации частей речи не аналитическое разделение формы и значения, а синтез категориальной семантики лексем, их морфологических признаков и синтаксических свойств. Словообразование, не противопоставленное словоизменению и синтаксису, семантика, не противопоставленная грамматике, — вот тот фундамент, на котором построено описание частей речи в книге В.В. Виноградова. Развивая идеи своего учителя Л.В. Щербы, В.В. Виноградов разграничивает части речи, «частицы речи» и «категории слов». Докладчик, воспользовавшись знаменитой экспериментальной фразой о *глокой кудре*, предложила продолжить эксперимент Л.В. Щербы: изменяя позицию слова *штеко* в предложении, сконструированном Щербой, помещая это слово в другие синтаксические конструкции и предлагая замену реальными словами, О.В. Кукушкина доказала, что для частеречной интерпретации отадъективных дериватов на *-о* лингвист должен учитывать соотношение синтаксических функций слова в составе предложения и за его пределами с его (этого слова) лексической семантикой, а также степень синтаксической самостоятельности лексемы (словоформы) и возможность синонимических трансформаций. Такой подход актуален не только для системного грамматического описания, но и для компьютерной лингвистики.

А.Б. Летучий (ИРЯ РАН, ВШЭ) в докладе «Дискуссия о неканонических подлежащих и вопрос о сентенциальном подлежащем в русском языке» обратился к дискуссионным проблемам синтаксической науки и рассмотрел вопрос о факторах, влияющих на квалификацию компонента предложения как подлежащего. Докладчик говорил о двух подходах к решению проблемы русского подлежащего. Согласно первому подходу, основанному на приоритете морфологических признаков, подлежащее определяется по именительному падежу и контролю согласования (согласование сказуемого с подлежащим). При таком подходе у лингвистов возникает необходимость введения понятия «смыслового подлежащего», соотношение которого с грамматическим подлежащим не всегда очевидно. Термин «смысло-

вое подлежащее» (а также близкий к нему термин «семантический субъект») обозначает актанта, обладающий набором семантических параметров, характерных для подлежащего, но не обладающий достаточным набором морфосинтаксических подлежащих свойств. Термин «смысловое подлежащее» (или «семантический субъект») применяется для случаев, когда определить подлежащее затруднительно; например, в конструкциях с предикативами (*Мне неприятно там бывать*) смысловым подлежащим считается дативный аргумент; как и в конструкциях с глаголами, имеющими объект-Экспериментер: *Мне нравится, что Вы больны не мной; Мне нравятся груши*. Согласно второму подходу (возникшему в рамках типологической лингвистики), при определении подлежащего, кроме двух указанных признаков, учитываются еще четыре: контроль рефлексивных местоимений, контроль депиктивов (твор. п. в конструкции типа *ходит голодным*), выражение нулем в инфинитивных конструкциях, контроль деепричастий. Этот (многофакторный) подход и применялся докладчиком для доказательства подлежащего статуса сентенциальных актантов в сложноподчиненных предложениях типа *Меня удивило, что Вася не приехал*.

М.Ю. Сидорова (МГУ) продолжила тему «неканонических подлежащих». Ее доклад «Конструкции с локативным субъектом / распространителем в формальном, коммуникативно-функциональном и «соревновательном» синтаксисе» содержал развитие идей теории коммуникативной грамматики, которая, в свою очередь, является продолжением виноградовской лингвистической традиции, соединяющей системно-языковое описание и анализ текста. В докладе обсуждалась проблема определения синтаксического статуса локативных синтаксем: речь шла о возможности «локативных подлежащих» (термин, используемый в концепции коммуникативной грамматики). М.Ю. Сидорова на материале описательных текстов показала частотность предложений с локативным субъектом и необходимость определения функционального статуса локативных синтаксем в зависимости от различий в структуре моделей предложения. Используя принципы «соревновательной (кооперативной) модели» Б. Мак-Винни и Э. Бейтс, которая представляет восприятие высказывания как конкуренцию «ключей», маркирующих грамматические функции, М.Ю. Сидорова проанализировала предложения с локативными синтаксемами (*В зале шум; шумели, В зале шумели зрители, В зале зрители, В зале оказались зрители*). Если для синтаксиса английского предложения актуален один набор «ключей» (1. pre: предглагольная позиция; 2. agr: морфологические согласовательные категории глагола (контроль согласования); 3. init: позиция начала предложения; 4. nom: именительный падеж местоимения;

5. the: использование определенного артикля; 6. by: использование предлога “by” с именем агенса в пассивной конструкции; 7. pas: пассивная форма глагола), то для русского предложения с локативным компонентом этот набор «ключей» другой: 1) init-loc (локатив в препозиции); 2) non-agr-verb (нет глагола, согласующегося с существительным в роде/лице и числе); 3) non-pers (нет личного имени — существительного или местоимения); 4) praed (есть признаковое имя); 5) auth (есть авторизационный (фазисный) глагол); 6) stat (есть предикатив на -o); 7) pers (есть предикат «наблюдаемого проявления»). Ответ на вопрос, является ли локативная синтаксема подлежащим, решается по количеству и приоритету синтаксических характеристик. Использование модели «7 ключей» позволяет прийти к выводу, что проблему подлежащего надо решать применительно к конкретной конструкции с ее структурой и типовым значением, что статус локативных синтаксем в разных моделях разный и локативная синтаксема может быть квалифицирована как подлежащее в определенных типах русского предложения.

В докладе *А.В. Малышевой* (ИРЯ РАН) «Дискуссии вокруг объектного родительного» рассматривались причины разногласий при описании русского приглагольного объектного генитива как в синхронном, так и в диахронном аспектах.

Докладчица показала, что основные трудности у лингвистов возникают при описании соотношения (вариантности) двух падежей, маркирующих прямой объект при глаголе, — аккузатива и генитива. Если в современном русском литературном языке объектный винительный вытесняет объектный родительный, то в диалектах и в историческом синтаксисе картина иная. На более ранних этапах развития языка объектный родительный в неотрицательных конструкциях в русском и других славянских языках употреблялся гораздо свободнее. В работах по историческому синтаксису объектный генитив в случаях типа *смотряху гласа того, взяти града, побъдивъ же иньхъ странъ, аже кто оурветъ бороды смолянину* соединяется с категорией количества: для его обозначения используются термины «родительный неполного объективирования», «родительный делимого целого» (В.И. Борковский, Т.П. Ломтев, В.Б. Крысько); при этом для многих контекстов не удастся установить разницу в значении двух падежей (генитива и аккузатива) и приходится признавать их семантическими дублетами. В докладе была рассмотрена и другая точка зрения, согласно которой варьирование генитива и аккузатива в таких конструкциях обусловлено не субтантивно-падежной семантикой, а связано с «временным пересечением функционально-семантических полей» (С.А. Лутин, школа Г.П. Мельникова). Аккузатив и генитив, по мнению С.А. Лутина, обозначают объект глагольного воздей-

ствия, воспринимаемый с разных ракурсов: аккузатив маркирует объектный актант как потенциальное место фиксации результата события, а генитив — как субстанцию, лежащую вне сферы глагольного действия до его начала (т.е. показывает статус объекта до начала глагольного воздействия). Принимая во внимание обе точки зрения, А.В. Малышева сформулировала гипотезу о том, что выбор аккузатива или генитива в памятниках письменности является «актантным маркированием аспектуальных противопоставлений» (В.А. Плунгян), которое характерно, например, для финского и эстонского языков. Примеры подобного маркирования обнаруживаются также в современных севернорусских говорах. По мнению докладчицы, на этапах, предшествовавших оформлению современной категории вида, прямообъектные падежи могли маркировать разные фрагменты ситуации: аккузатив, «падеж полного охвата» (Дельбрюк) маркировал результирующую стадию, результативные и перфективные значения, а генитив, «падеж неполного охвата» — подготовительную стадию, значения, связанные с отсутствием результата (имперфективные, дуративные, хабитуальные). При том речь может идти лишь о тенденции, поскольку как в древне- и среднерусском языке, так и в современных говорах, объектный генитив является редкой, периферийной формой, основным падежом прямого объекта остается аккузатив, т.е. это маркирование в настоящее время не имеет характера строгой грамматической закономерности, как, например, в прибалтийско-финских языках.

История функционально-стилистического описания русского языка рассматривалась в докладе Л.Г. Чапаевой (МГГУ) «Соотношение субкодов русского языка в филологических исследованиях 1-й половины XIX в.». Субкоды, или коммуникативные разновидности (подсистемы) языка, в работах филологов первой половины XIX в. не обсуждались, поскольку еще не оформились границы между социальными субкодами. Соответственно, не были сформулированы критерии членения общенационального языка, не была сформирована терминология, в результате чего под одним и тем же понятием (например, *просторечие*) могло иметься в виду различное содержание. Иерархия субкодов в пределах общенационального русского языка стала проясняться к 1840-м годам, что и нашло отражение в филологических исследованиях того периода. Кроме Грамматики Н.И. Греча, субкоды русского языка в их иерархии описывались в «Предмете, методе и цели филологического изучения языка» Н.Т. Костыря (1848), ранних трудах Ф.И. Буслаева и И.И. Срезневского. И Срезневский, и Буслаев в иерархии субкодов родного языка на первое место ставят народный язык, который определяет формирование книжного языка и его изменения, а со-

отношение письменного и разговорного языков характеризуют как «период их возвратного сближения». В работах И.И. Срезневского русская языковая ситуация предстает как параллельная история двух языковых стихий — языка народного, живого и языка книжного, литературного. В их описании исторического развития ученый исходит из противопоставленности законов развития того и другого языка и описывает это развитие как их динамическое взаимодействие на разных исторических этапах. В заметке о составе Словаря церковнославянского и русского языка, впервые опубликованной в 1848 г., И.И. Срезневский выделил следующие языковые разновидности: «старый русский язык» (древнерусский); «язык церковных книг» (церковнославянский); «слова областные и вообще простонародные», «язык литературный». Срезневским был предложен и критерий разграничения «простонародного» языка и языка книжного — статично/динамичность системы: живой народный язык находится в постоянном изменении, а книжный стремится закрепить собственные нормы и правила употребления «в неподвижности».

В докладе *Е.В. Бешенковой, О.Е. Ивановой* (ИРЯ РАН) «Причины разногласий в современной русской орфографии» обсуждались трудности русской орфографической науки, возникающие применительно к тем грамматическим объектам, которые становятся предметом лингвистических дискуссий. Кроме того, орфография оказывается между грамматикой научной и наивной школьной лингвистикой, существующей в сознании носителей русского языка. Так, при принятии решения о грамматическом статусе той или иной единицы, например, как приставки или части сложного слова грамматисты могут использовать понятие суффиксоида для описания пограничных случаев. Лексикографы же и орфографисты вынуждены оперировать терминами, известными большинству носителей языка. Дискуссии в грамматике имеют непосредственное отношение к орфографии. Например, введение в русскую грамматику понятия неизменяемого прилагательного до сих пор является предметом лингвистической дискуссии, что находит отражение в словарях: разные словари расходятся в характеристике одного и того же слова, в одном словаре однотипным словам могут даваться разные пометы, многим словам приписывается двойная характеристика; например, *нескл.* и *неизм.* В некоторых случаях орфографисты не могут опереться на грамматические понятия и предлагают собственные грамматические обоснования правил. В качестве примера рассматривалось правило слитного/раздельного написания частицы *не*. В.В. Виноградов, участвуя в обсуждении проблем орфографии в 1964 г., писал об этом правиле так: «... различия в написаниях *не радостный* и *нерадостный* <...> полны тонких смысловых оттенков, которые далеко не всеми

могут осознаваться и воспроизводиться». Для решения этой проблемы русисты последней трети XX в. (М.В. Панов) использовали понятие нейтрализации. Авторы доклада на основе проведенного исследования письменной речи выделили следующие синтаксические позиции, в которых происходит нейтрализация частицы *не* и приставки *не-*: в позициях фокуса ремы, в позиции темы, при предикатах с подчиненной предикацией. Позицией наибольшего различия остается — предикативная позиция, первичная для отрицания как особого речевого действия. Подводя итог, авторы доклада высказали мысль об «обратной связи» грамматики и орфографии, о том, что в настоящее время необходимо вернуться к рассмотрению письма как одной из форм реализации языка и учитывать факты письма в грамматических описаниях.

С.А. Крылов (ИВ РАН) завершил программу чтений докладом «Интегральная модель грамматики как средство снятия теоретических разногласий в грамматической науке о русском языке». Докладчик представил многообразие научных школ и концепций в русской грамматической науке и обосновал металингвистический подход как способ снятия противоречий в русской грамматической науке. Отличие металингвистического подхода от «традиционных» походов к лингвистическому описанию (грамматике и словарю) состоит в том, что предметом описания становится не сам данный язык как таковой, а его «описание» (= «модель»), т.е. «вторичный» лингвистический объект, созданный в результате сознательной рефлектирующей научной деятельности профессионального лингвиста (грамматиста или лексикографа). За триста лет существования русской грамматической традиции само количество русских грамматик значительно выросло. Чтобы лингвист мог мысленно охватить существующее ныне разнообразие русских грамматик, необходимо каждую из этих Русских грамматик (G_i) сделать предметом особого металингвистического описания. Иначе говоря, для каждой «первичной» грамматики G_i должна быть создана особая «вторичная» метаграмматика $M(G_i)$, описывающая эту G_i . Метаграмматика $M(G_i)$ должна служить путеводителем по G_i . В эпоху «бумажных» грамматик роль $M(G_i)$ выполняли: комментарии к грамматическим трудам предшественников; предметные указатели разных типов; библиографические справочники по русской грамматике. Так, в книгах и статьях В.В. Виноградова обращают на себя внимание экскурсы в «историю вопроса», которые нужны читателю для того, чтобы он «посмотрел» на русский язык и увидел его не только «глазами» самого автора, но и «глазами» всей предшествующей традиции. Без теоретических экскурсов изложение материала стало бы гораздо беднее информативно. В двух последних академических грамматиках

есть указатели аффиксов; в книге А. В. Исаченко есть полный указатель описываемых лексем; а в работах А. А. Зализняка «словарный» компонент грамматики становится не только равноправной, но и в каком-то смысле доминирующей частью по отношению к собственно «грамматическому» разделу. В компьютерную эпоху роль $M(G_i)$ выполняют металингвистические базы данных, на основе которых может быть построена так называемая гиперграмматика, играющая роль не только путеводителя по одной русской грамматике, но своеобразного справочника по нескольким русским грамматикам. Гиперграмматика позволит представить полную картину грамматической науки и увидеть сферы реального сближения научных концепций, понять причины разногласий и снять многие противоречия.

XLIX Виноградовские чтения в МГУ соединили представителей разных научных школ и поколений, проблематику разных научных дисциплин, синхронное описание языка и диахронное, грамматику и орфографию, продемонстрировали актуальность научного творчества академика Виноградова для лингвистической науки XXI в.

Nadia K. Onipenko

THE CHRONICLES OF THE XLIX VINOGRADOV READINGS

*Federal State Budgetary Scientific Institution V.V. Vinogradov
Russian Language Institute of RAS
18/2, Volkhonka str., Moscow, 119019*

The article presents the content of scientific reports made at regular Vinogradov readings organized by the faculty of Philology of Moscow state University. M.V. Lomonosov. The readings were made by representatives of different scientific schools and different generations of linguists. Discussion problems of modern linguistic science were discussed. Speakers focused on grammar: classification of parts of speech, functional description of cases, interaction of grammar and spelling.

Key words: linguistics; Philology; history of science; grammatical categories; typology grammars; non-canonical subjects; object genitive.

About the author: *Nadia K. Onipenko* — PhD in Philology, Leading Researcher IRA RAS (e-mail: onipenko_n@mail.ru).